

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЛИТЕРАТУРНУЮ КЛАССИКУ

В.Ф. ТАГИРОВА
(г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1.1 (Пушкин А.С.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,445

ДРУЖЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ В ЛИРИКЕ А.С. ПУШКИНА 30-Х ГОДОВ

Аннотация. Статья посвящена жанру дружеского послания в лирике А.С. Пушкина 30-х годов. В центре внимания автора изменения в поэтике жанра, обусловленные творческой эволюцией поэта, его движением от романтизма к реализму. Делается вывод о том, что трансформация дружеского послания в творчестве поэта последнего десятилетия обнаруживается в проникновении биографических и исторических реалий, углублении философского содержания, в «смещении» – в сравнении с каноническими образцами жанра – его пространственных и временных координат. При этом неизменной остается у Пушкина диалогическая природа послания.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, творческая эволюция, лирика, дружеское послание, поэтика и динамика жанра.

Лирическое наследие А.С. Пушкина достаточно хорошо изучено отечественным литературоведением в разных аспектах. Многие исследователи подчеркивают, что жанр дружеского послания – один из ведущих в лирическом творчестве Пушкина. Однако внимание исследователей сосредоточивается, как правило, на посланиях лицейской поры Пушкина. О посланиях иных периодов в творчестве поэта, в основном, лишь упоминается в связи с изучением тех или иных вопросов биографии Пушкина. При этом исследователи не преследуют цели жанрового анализа, рассматривая пушкинские стихотворения чаще всего на идейно-тематическом уровне. Следовательно, поэтика жанра в пушкинской его интерпретации оказывается недостаточно выявленной. Понятно, что при таком подходе проблема динамики жанра просто не возникает. По-прежнему актуальным является рассмотрение «посланческой» лирики Пушкина в историко-литературном контексте первой трети XIX века, а также в контексте творческой эволюции поэта, что, в свою очередь, важно для понимания судеб этого жанра в русской поэзии.

Статья посвящена лишь одному, последнему периоду в творчестве Пушкина, а именно 30-м годам, которые совпадают с окончанием его михайловской ссылки. Столичное общество встретило Пушкина с восторгом, и сам он поначалу был настроен оптимистически. Но в течение нескольких последующих лет это настроение сменилось в нем мрачными ощущениями: неудовлетворенностью окружающим миром, внутренним беспокойством, – что не могло не сказаться на лирическом творчестве поэта. Е.А. Маймин связывает изменения в творчестве Пушкина последекабристской поры с общей тенденцией, проявившейся в русской общественной мысли этого периода, – «уйти с поверхности в глубину, начать работу исследования, познания и самопознания» [Маймин 1972: 60].

Бесспорным в литературоведении является факт, что в 30-е годы Пушкин творит в русле реализма. При этом исследователей чаще всего интересуют проза и поэмы Пушкина, созданные в данный период. Рассматриваемый нами жанр дружеского послания практически, как мы уже отметили, не попадает в поле их зрения.

Этому можно найти объяснение. Пушкин в 30-е годы действительно значительно реже обращается к жанру дружеского послания. И все же нельзя говорить о том, что поэт теряет интерес к нему. В 30-е годы были написаны такие стихотворения, как «К Языкову» – «Языков, кто тебе внушил...» (1826), «Послание Дельвигу» – «Прими сей череп, Дельвиг, он...» (1827), «Друзьям» – «Нет, я не льстец, когда царю...», (1828), послания, посвященные лицейским годовщинам и др. Рассмотрим, как изменяется и изменяется ли жанр дружеского послания в лирике Пушкина 30-х годов. Для этого обратимся к наиболее характерным, с нашей точки зрения, посланиям, созданным в этот период.

В послании «К Языкову» – «К тебе сбирался я давно...» (1828), как мы полагаем, наиболее отчетливо обнаруживается ориентация Пушкина на жанровый канон. Послание организует ключевая для данного жанра диалогичность, стремление лирического субъекта вступить в диалог с адресатом [О диалогической природе жанра послания см.: Ермоленко 1996: 185-219]:

*К тебе сбирался я давно
В немецкий град, тобой воспетый,
С тобой попить, как пьют поэты,
Тобой воспетое вино.*

Наряду с диалогичностью, послание пронизывает дружеская ирония, особенно заметная в описании адресантом своего быта, образа

жизни. При этом используются разговорные обороты, активизируется «домашняя семантика» слова, понятная другу-адресату:

И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня,
И на Неве, хоть нет охоты,
Прикованным остался я
[Пушкин 1998: III, 239].

Одновременно адресант лишь штрихами, но достаточно выразительными, характеризует тот чуждый ему мир, от которого он прежде спасался бегством в «малый» мир дружеского общения: «сиятельное чванство», «гербовые заботы», «тяжесть денег». Таким образом, мир, в котором вынужден жить адресант, - это уже не гармоничный «малый» мир, как это было в предыдущие периоды творчества, а «неволя невских берегов». С одной стороны, это, в сравнении с миром адресата, «большой» мир, сохраняющий традиционно свойственные ему характеристики. С другой стороны, это мир несвободы: «неволя невских берегов», «прикованным остался я», - а потому мир не просто чуждый, но узкий (при всей своей «большести») для лирического субъекта-адресанта, сковывающий его.

Адресат и адресант в послании Пушкина 1828 года как бы поменялись местами: не адресант зовет к себе друга «Языкова» - в обжитый «домашний» мир дружеского общения, как это было в традиционных образцах жанра, ибо его мир таковым уже не является, а сам стремится оказаться в мире адресата. Характеристиками «малого» пространства дружеского общения наделяется мир адресата, в котором он «играет», «пирует», «торжествует» «с Кипридой, Фебом».

В послании «К Языкову» нет обычного для традиционного дружеского послания описания привычек, образа жизни адресанта или адресата. Однако Пушкин сохраняет образ поэтического братства, единения друзей-единомышленников, сопровождая его упомянутой выше добродушной иронией. Характерный для жанра послания образ пира подается поэтом тоже в легком ироническом ключе: «С тобой попить, как пьют поэты, / Тобой воспетое вино». Образ поэтического братства вследствие этого «одомашнивается», утепляется.

Конкретизации образов адресанта и адресата, которая так явно обнаруживается в послании «К Языкову», способствуют бытовые, биографические детали, которые поэт включает в стихотворение: «немецкий град» - город Дерпт; «тобой воспетый Кисе-

лев» – дипломат Н.Д. Киселев, с которым Языков учился в университете, а Пушкин дружески общался в 1828 году. «Гербовые заботы» – реальные, преодолевающие в эти годы Пушкина заботы об уплате долгов.

Таким образом, «К Языкову», сохраняя ориентацию на жанровый канон, свидетельствует о том, что Пушкин продолжает насыщать текст послания биографическими реалиями, как он это делал и в предыдущие периоды творчества. Вместе с тем изменения в оппозиции «большой» мир – «малый» мир Дома показывают, что Пушкина не связывает жанровый канон. Жизненные импульсы и реалии начинают играть все большую роль в его поэтическом творчестве.

Послание «Д.В. Давыдову» – «Тебе, певцу, тебе, герою!..» (1836), на наш взгляд, тоже демонстрирует достаточную степень творческой свободы Пушкина. Стихотворение посвящено, как следует из заглавия, Денису Давыдову – поэту, воспевавшему войну, гусарский образ жизни. Данное послание создано в духе поэзии самого Давыдова. По словам Г.А. Гуковского, почти все стихотворения, посвященные Давыдову, «написаны как стилизация его лихой манеры, его языка, его мотивов», а созданный им образ «поэта-партизана» «дан не только в его стихах, но и в стихах о нем, являющихся как бы продолжением его стихов и дополнением к ним. И Пушкин, и Вяземский, и Баратынский оказались сотрудниками Давыдова в обрисовке его героя, но они работали по его плану, по его творческим наметкам, даже его стилем» [Гуковский 1965: 120]. Об этом же пишет и Н.Н. Петрунина, видя в послании, о котором идет речь, «совершенный образец преднамеренной имитации манеры Давыдова» [Петрунина 1974: 373].

Образ адресата-«Давыдова» в послании представлен в героическом ореоле, адресант дает ему следующие характеристики: «певец», «герой», «наездник чудный», «отец и командир». Этот образ дан в ореоле войны и героического подвига:

Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.

Тщательно отбираемые поэтические детали подчеркивают уважительное, даже восхищенное отношение адресанта к своему товарищу, и они в то же время способствуют расширению ассоциативного фона послания. С подзаголовком «При посылке истории Пугачевского бунта» связано введение в послание образа «Пугача»:

Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден – плут, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

«Назначение» Пугачева «урядником» «в передовой отряд» «Давыдова» несомненно способствует хоть и шутивому, но все-таки возвышению образа последнего.

О себе же лирический субъект говорит в ироническом ключе, сочетая слова возвышенного стиля и разговорного:

Наездник *смирного Пегаса*,
Носил я *старого Парнаса*
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир
[Пушкин 1998: IV, 198].

Центральным в данном послании становится противопоставление адресанта и адресата, поэта и воина. «С романтически эффективным жребием воина в стихотворении контрастирует удел поэта. О нем говорится в нарочито будничных тонах», – справедливо отмечает Н.Н. Петрунина [Петрунина 1974: 370]. Для канона жанра не было характерно противопоставление адресата и адресанта, пусть и в ироническом ключе. Это, на наш взгляд, является в рассматриваемом послании новаторским.

Пушкин сохраняет пространственную оппозицию: здесь противопоставлены пространство войны («гром пушечный», «огонь»), связанное с опорой и оглядкой на творчество самого Давыдова, и мирное, принципиально заземленное, будничное пространство «старого Парнаса». Очевидно нарочитое снижение мира поэзии, традиционно воспеваемое в дружеском послании, в том числе и Пушкиным: поэтический Пегас назван «смирным», Парнас, как уже было замечено, «старым», служение музам – «службой трудной». А раз это «служба», то едва ли не сродни (конечно, это иронически-шутивное обозначение) чиновничьей. Отсюда и «мундир», к тому же «вышедший из моды».

Как видим, творческое переосмысление жанрового канона дружеского послания сказалось в «Д.В. Давыдову» как в обрисовке образов адресата и адресанта, так и в пространственной, предельно сжатой до узнаваемых «говорящих» деталей, организации стихотворения. Использование тематики и образного строя лирики Давыдова обогащает

ассоциативный фон послания, втягивая его в традицию гусарской лирики, расширяя, тем самым, и углубляя содержание этого небольшого по объему послания. При этом, как бы Пушкин ни отступал от канона дружеского послания, основные черты жанра он все же сохраняет.

Наибольшие отступления от канона жанра заметны, на наш взгляд, в пушкинских посланиях, посвященных лицейским годовщинам. Встречи лицейстов 19 октября – в день открытия Царскосельского Лицея – были традиционными. Как пишет А.И. Гессен, «обычно лицеисты первого выпуска праздновали лицейские годовщины в своем тесном кругу. Но сейчас круг их поредел» [Гессен 1965: 465]. «Лицейские» послания «полны глубоких раздумий о минувшем и пережитом. Это всегда своего рода жизненные и творческие отчеты поэта» [Гессен 1965: 438].

Одно из таких посланий – «Была пора: наш праздник молодой...» (1836). Оно открывается образом дружеского пира, традиционным, как уже было сказано, для послания, в котором он (пир) предстает как светлый и радостный момент прошлого. Образ пира, символизирующий единение адресанта и его товарищей, неотделим от той теплой и дружеской атмосферы с ее песнями и «шумом», беспечностью и весельем, которой был отмечен период лицейской юности адресанта и его адресатов. События прошедшей счастливой молодости, образ прошлого уже с первых строк входят в послание:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей

[Пушкин 1998: IV, 207].

Послание «Была пора...» написано Пушкиным в связи с двадцатипятилетним юбилеем Лицея. Б.С. Мейлах называет данное послание «самым трагическим произведением» Пушкина, «отчетом о событиях за двадцать пять лет. Безвозвратно кануло в прошлое время, когда “жили все и легче и смелей”, когда молодой праздник “сиял, шумел и розами венчался”. Теперь не то» [Мейлах 1958: 166]. Д.Д. Благой дает этому посланию сходную характеристику: «В этом стихотворении, одном из самых последних произведений Пушкина вообще, создававшемся тогда, когда черные тучи все безысходнее сгущались над ним, –

поэт оглядывает грустным, почти прощальным взором и свою личную жизнь, и ту бурную эпоху войн и революций, свидетелем и участником которой было его поколение» [Благой].

Действительно, образ прошлого в данном послании многоплановый («*промчалась четверть века!*»), включающий в себя множество событий начала XIX столетия: открытие Царскосельского Лицея, Отечественная война и пожар Москвы 1812 года, освободительный заграничный поход русской армии и др. Эти события, ставшие эмблемами начала XIX века, лирический герой перечисляет с большим воодушевлением, восклицая: «*Чему, чему свидетели мы были!*». Далее, обращаясь к таким понятиям и ценностям, как Слава, Свобода, Гордость, адресант дает обобщенный и величественный портрет своей эпохи:

Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы,
И высились, и падали цари...
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

Лирический субъект называет в хронологической последовательности важнейшие для России события, которые оказали влияние и на его духовное становление, давая им свою субъективную оценку. Начинается цепь воспоминаний адресанта с эпизода поступления его и его товарищей в Лицей – «*чертог царицын*». Повтор («*И мы пришли. И встретил нас Куницын...*»), использование возвышенной лексики («*чертог*», «*меж царственных гостей*») подчеркивают торжественность этого момента, его важность для лирического субъекта. Далее возникает образ Отечественной войны – «*грозы двенадцатого года*», не отделимый от образа Наполеона:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Война 12-го года, в понимании Пушкина, – событие огромной исторической важности, показавшее всему миру величие России. Отсюда – прославление народа («*великий народ*») и царя Александра I

(«наш Агамемнон», «народов друг, спаситель их свободы»). По контрасту осмысляется судьба Наполеона, образ которого предстает в послании как неоднозначный: с одной стороны, он – «кичливый враг», который самонадеянно полагал, что легко может победить «великий народ», с другой – несомненно элегические ноты, возникающие в строках, посвященных смерти Наполеона:

И на скале *изгнанником забвенным,*
Всему *чуждой, угас* Наполеон.

В этих элегических строчках слышится отголосок того романтического культа Наполеона, который был свойствен русскому обществу 10–20-х годов и самому молодому Пушкину.

Стихотворение обрывается на образе «*нового царя*» – Николая I:

И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлись новы тучи,
И ураган их...

[Пушкин 1998: IV, 208].

«Незавершенность стихотворения, – справедливо отмечает Д.Д. Благой, – приобрела почти символический характер. Так же – в апогее своего развития – внезапно оборвалось и все пушкинское творчество» [Благой]. Финальные отточия, выступающие в роли «эквивалента текста» (Ю.Н. Тынянов), подчеркивающие обрывочный, незавершенный характер стихотворения, сообщают необычайную емкость его содержанию, вовлекая читателя в атмосферу напряженных раздумий поэта.

В послании воссоздаются ключевые моменты жизни России, повлиявшие на характер и судьбу не только адресанта, но и его современников, среди которых его ближайшие друзья – лицейские товарищи. Именно им адресовано послание, к их памяти и прошлому обращается поэт: «*Припомните, о други...*», «*Вы помните...*». По сути, речь идет об общей, коллективной памяти поколения, от которого не отделяет себя лирический субъект. Именно это и сообщает диалогический характер стихотворению, оставляя его, несмотря на ярко выраженную элегическую тональность, в пределах посланческого жанра.

Вместе с тем введение исторических реалий заметно трансформирует традиционное жанровое содержание послания, расширяя и углубляя его. В него входит философское представление о всеобщей

изменчивости бытия («таков судьбы закон»), об изменении человека в меняющемся мире:

Вращается весь мир вокруг человека, –
Ужель один недвижим будет он?
[Пушкин 1998: IV, 207]

Лирический субъект осознает неизбежность движения времени, тех изменений, которое оно приносит, принимает их как данность. Но подобное осмысление времени не соответствует закрепившемуся канону жанра: традиционное дружеское послание интересуется мгновение – «сейчас», длительность которого оно может раздвигать, однако лишь в границах настоящего [см. об этом: Грехнев 1985: 18–86]. Вместе с тем такое отношение ко времени, понимание его текучести соответствовало изменениям, происходящим в лирическом творчестве Пушкина 30-х годов, которое приобретает философский характер. «В своих философских стихах, – пишет Е.А. Маймин, – Пушкин заново, поэтически открывает самые простые и самые вечные истины. Обязательную мудрость он просветляет и возвышает поэзией. В этой удивительной простоте, в этой поэтичности его мудрости – главный секрет неумирающей силы ее воздействия» [Маймин 1972: 66].

Итак, как мы увидели, дружеское послание в лирике Пушкина 30-х годов претерпевает существенные изменения: не порывая с традицией, поэт расширяет границы жанра. Отбрасывая условности жанра, но сохраняя его основные жанрообразующие элементы (диалогическую природу, противопоставление «большого» и «малого» миров, богатый ассоциативный фон), его жанровый «каркас», поэт вводит в послание философские темы: неизбежность течения времени, человек в изменяющемся мире, роль личности в истории, судьбы России и Европы и др. Наши наблюдения над жанром послания подтверждают справедливость слов Б.П. Городецкого о том, что «в пушкинской лирике 30-х годов особенно интенсивно развивается процесс перехода от субъективизма лирического творчества к лирике, отражающей все многообразие объективного мира в его сложнейших взаимодействиях с человеческой личностью» [Городецкий 1966: 415].

Дружеское послание остается в жанровой системе лирики Пушкина 30-х годов. Хотя, поэт обращается к нему в эти годы не так часто, как в лицейский период. Отмеченные исследователями тенденции, характерные для творчества Пушкина 30-х годов, обнаруживаются и в его «посланческой» лирике. Именно в данный период трансформация жанра дружеского послания в творчестве Пушкина становится еще

заметнее: происходят дальнейшие изменения в образах лирического субъекта-адресанта и адресатов – «старого круга друзей», связанные с все более активным проникновением биографических реалий в художественный текст. Вследствие этого ощутимыми оказываются (в сравнении с каноническими образцами жанра) смещения в пространственно-временной организации, расширение ассоциативного фона, обусловленные теми жизненными импульсами, которые определяют теперь как творчество Пушкина в целом, так и динамику конкретного жанра, в данном случае послания.

Таким образом, традиционная жанровая форма, отвечая на вызовы времени, обнаруживает в творчестве Пушкина свою гибкость, подвижность, оказываясь, вследствие этого, способной вмещать значительное по своей философской глубине содержание.

ЛИТЕРАТУРА

Благой Д.Д. Стихотворения Пушкина. – URL: <http://rvb.ru/pushkin/03articles/01vers.htm> (дата обращения : 20.09.2013).

Гессен А.И. Все волновало нежный ум... Пушкин среди книг и друзей. – М.: Наука, 1965.

Городецкий Б.П. Лирика // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. – М.; Л.: Наука, 1966.

Грехнев В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. – Горький: Волго-Вятск. кн. изд-во, 1985.

Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. – М.: Худож. лит., 1965.

Ермоленко С.И. Лирика М.Ю. Лермонтова: жанровые процессы. – Екатеринбург: Изд-во АРГО, 1996.

Маймин Е.А. О философской лирике А.С. Пушкина // Пушкинский сборник. – Псков: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та, 1972.

Мейлах Б.С. Пушкин и его эпоха. – М.: Гослитиздат, 1958.

Петрунина Н.Н. «Д.В. Давыдову» («Тебе, певцу, тебе, герою!..») // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. – Л.: Наука, 1974.

Пушкин А.С. Собр. соч.: в 15 т. – М.: ТЕРРА, 1998.

© Тагирова В.Ф., 2013